

Сионизм и антисемитизм

Густав Готтейль
Макс Симон Нордау

Zionism and Anti-Semitism

Max Simon Nordau and Gustav Gottheil

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о сионизме и антисемитизме

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Сионизм и антисемитизм

Автор: Макс Симон Нордау

Густав Готтейль

Дата выхода: 7 января 2008 [Электронная книга № 24186]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джинни Хауз, Брайан Несс и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СИОНИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ" ***

Сионизм и антисемитизм

Сионизм И антисемитизм

АВТОР МАКС НОРДАУ

И ГУСТАВ ГОТТЕЙЛЬ

Нью-Йорк
ФОКС, ДАФФИЛД И КОМПАНИЯ
1905

Авторское право 1902
ФРЕДЕРИК А. РИЧАРДСОН

Авторское право 1903
КОМПАНИЯ SCOTT-THAW

Авторское право 1905
от FOX, DUFFIELD & COMPANY

Содержание

	СТРАНИЦА
сионизма. <i>Макса Нордау</i>	9
Антисемитизм в Европе <i>Густава Готтейля.</i>	47

СИОНИЗМ

АВТОР Макс Нордау

СИОНИЗМ

Среди представителей образованных классов, которые с каким-либо вниманием следят за всеми наиболее важными движениями времени, сейчас было бы трудно найти человека, которому слово "сионизм" совершенно незнакомо. Люди, как правило, знают, что это описывает идею и движение, которые за последние годы нашли многочисленных приверженцев среди евреев всех стран, но особенно среди евреев Востока. Однако сравнительно немногие, как среди неевреев, так и самих евреев, имеют совершенно ясное представление о целях и путях сионизма; неевреи, потому что они недостаточно заботятся о еврейских делах, чтобы взять на себя труд узнать подробности из первых рук; евреи, потому что они намеренно введены в заблуждение врагами сионизма, ложью и клеветой, или потому что даже среди ярых сионистов не так много тех, кто исследовал всю сионистскую идею до основания и желает или способен представить ее в письменном виде. ясный и понятный стиль, без преувеличений и полемического накала.

Я постараюсь предоставить добросовестным читателям, которые не предвзяты и не заинтересованы ни в чем другом, кроме получения достоверной информации о явлении современной истории, как можно более сжато и трезво изложить все факты такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими они отражены в затуманенных мозгах или искажены и фальсифицированы клеветниками.

Я.

Сионизм - это новое слово для обозначения очень старой цели, поскольку оно просто выражает стремление еврейского народа к Сиону. С момента разрушения второго храма Титом, с момента рассеяния еврейской нации по всем странам этот народ не переставал сильно желать и горячо надеяться на возвращение на потерянную землю своих отцов. Это стремление к Сиону и надежда на Него со стороны евреев были конкретным, я бы сказал, географическим аспектом их мессианской веры, которая, в свою очередь, составляет существенную часть их религии.

Мессианизм и сионизм на самом деле на протяжении почти двух тысяч лет были идентичными концепциями, и без придинок и неоднозначных толкований было бы нелегко провести различие между молитвами о появлении обещанного Мессии и молитвами о не менее обещанном возвращении на историческую родину, которые стоят бок о бок на каждой странице еврейской литургии. Еще несколько поколений назад эти молитвы понимались буквально каждым евреем, как и до сих пор понимаются простыми верующими евреями. У евреев не было никакой другой идеи, кроме того, что они были народом, который в наказание за свои грехи потерял землю своих предков, который был обречен жить чужаками в чужих землях, и чьи великие страдания прекратятся, когда он снова соберется на освященной земле Святой Земли.

Ситуация постепенно изменилась примерно в середине восемнадцатого века, когда просвещение впервые начало проникать в еврейство в лице его первого глашатая, популярного философа Мозеса Мендельсона. Вера евреев стала более теплой; образованные классы, где они не просто обратились в христианство, начали относиться к доктринам своей религии рационалистически; для них рассеяние еврейского народа было окончательным и неизменным фактом; они лишили концепцию Мессии и Сиона всякого конкретного значения и составили для себя особую доктрину, согласно которой обещанный евреям Сион следует понимать только в духовном смысле, как утверждение еврейского монотеизма во всем мире, как будущий триумф еврейской этики над менее возвышенными и благородными моральными учениями других народов. Американский раввин свел эту концепцию к поразительной формуле: "Наш Сион находится в Вашингтоне". Учение Мендельсона логически развилось в первой половине девятнадцатого века в "Реформу", которая сознательно порвала с сионизмом. Для еврей-реформатора слово "Сион" имело такое же малое значение, как и слово "рассеяние". Он не чувствует себя ни в какой диаспоре. Он отрицает, что существует еврейский народ и что он является его членом. Он желает только принадлежать к народу, среди которого живет. Для него иудаизм - это чисто религиозная концепция, не имеющая ничего общего с национальностью. Земля, на которой он родился, - это его отечество, и он не будет знать ничего другого. Мысль о возвращении в Палестину вызывает у него либо негодование, либо смех. Он отвечает на это хорошо известной глупой шуткой: "Если еврейское государство снова будет создано в Палестине, я попрошу стать его послом в Париже".

Однако мыслящий еврей не преминул со временем осознать, что реформистский иудаизм - это полумера, компромисс, который, как и всякий компромисс, содержит в себе зародыш разрушения, поскольку ни на мгновение не может противостоять логической критике. Кого удовлетворит реформистский иудаизм? Верующего еврея? Он отвергает его с величайшим отвращением. Неверующего еврея? Он презирает его как лицемерие и фразерство. Еврей,

который действительно желает порвать со своим национальным прошлым и быть поглощенным своим христианским окружением? Для этого еврея недостаточно реформировать иудаизм; он идет на шаг дальше, на шаг, ведущий к купели для крещения. Еще меньше это удовлетворяет еврея, который желает уберечь еврейство от уничтожения и сохранить его как этническую индивидуальность. Ибо для него открыто выраженный отказ от всех национальных устремлений является синонимом самоосуждения еврейского народа на, возможно, медленную, но верную смерть. Реформистский иудаизм без сионизма, то есть без желания и надежды на воссоединение еврейского народа, не имеет будущего. В лучшем случае это можно рассматривать только как несколько извилистый путь, ведущий к христианству. Тот, кто желает достичь этой цели, может найти более прямые и короткие пути.

II.

И так получилось, что за поколениями, находившимися под влиянием мендельсонианской риторики и просвещения, реформ и ассимиляции, в последние двадцать лет девятнадцатого века последовало новое поколение, которое стремится занять в вопросе о Сионе точку зрения, отличную от традиционной. Эти новые евреи пожимают плечами в ответ на ту болтовню, которая была в моде среди раввинов или *литераторов* в течение последних ста лет и которая хвастается "Миссией еврейства", якобы состоящей в том, что евреи должны вечно жить в рассеянии среди народов, чтобы действовать как их учителя и образцы морали и постепенно воспитывать их в чистом рационализме, всеобщем братстве человечества и идеальном космополитизме. Они объявляют чванливость миссии либо самонадеянностью, либо глупостью. Они, более скромные и практичные, требуют только права еврейского народа жить и развиваться в соответствии со своими способностями, вплоть до естественных пределов его типа. Они убедились, что это невозможно в условиях рассеяния, поскольку при таких условиях предрассудки, ненависть и презрение постоянно преследуют и угнетают их и либо ограничивают их развитие, либо вынуждают их к этнической мимикрии, которая неизбежно превращает их вместо оригинальных типов, имеющих право на существование, в посредственные или плохие копии иностранных образцов. Поэтому они методично работают с целью вернуть еврейскому народу нормальную жизнь, которая живет на своей собственной земле и выполняет все экономические, интеллектуальные, моральные и политические функции цивилизованной нации.

Цель не может быть достигнута сразу. Она находится в более или менее близком будущем. Это идеал, желание, надежда, каким был и остается мессианский сионизм. Новый сионизм, который был назван политическим, отличается, однако, от старого, религиозного, мессианского тем, что он отвергает всякий мистицизм, больше не отождествляет себя с мессианизмом и не ожидает, что возвращение в Палестину будет осуществлено чудом, но желает подготовить путь своими собственными усилиями.

Новый сионизм частично вырос только из внутренних импульсов самого иудаизма, из энтузиазма современных образованных евреев по отношению к своей истории и мартирологии, из пробужденного сознания своих расовых качеств, из их стремления спасти древнюю кровь, имея в виду как можно более отдаленное будущее, и добавить к достижениям своих предков достижения своих потомков.

С другой стороны, сионизм является результатом двух импульсов, пришедших извне: во—первых, принципа национальности, который в течение полувека правил мыслью и чувствами в Европе и руководил мировой политикой; во-вторых, антисемитизма, от которого в большей или меньшей степени страдают евреи всех стран.

Принцип национальности пробудил самосознание у всех народов; он учит их рассматривать свои особенности как качества и дает им страстное стремление к независимости. Поэтому она не могла пройти бесследно мимо образованных евреев. Это побудило их вспомнить, кто и что они есть; почувствовать себя обособленным народом, от которого они отучились; и потребовать для себя нормальной национальной судьбы. Эта медленная и болезненная работа по восстановлению своей национальной индивидуальности облегчалась отношением народов, которые исключали их из своей среды как чужеродный элемент и подчеркивали, без оглядки или вежливости, реальные и воображаемые контрасты или, по крайней мере, различия между ними самими и евреями.

Принцип национальности в своих преувеличениях привел к перегибам. Оно было сбито с пути истинного в шовинизм, унижено до идиотской ненависти к иностранцам, деградировало до гротескного самопоклонения. От этой карикатуры на самого себя еврейский национализм в безопасности. Еврейский националист не страдает самонадеянностью; напротив, он чувствует, что должен прилагать неустанные усилия, чтобы сделать имя еврея почетным титулом. Он скромно признает хорошие качества других народов и усердно стремится приобрести их в той мере, в какой они согласуются с его природными способностями. Он знает, какой ужасный вред нанесли столетия рабства или инвалидности его изначально гордому и прямолинейному характеру, и стремится вылечить его с помощью интенсивной самоподготовки. Если, однако, национализм остерегается всех иллюзий относительно самого себя, то это естественная фаза в процессе развития от варварского эгоистичного индивидуализма к свободному гуманизму и альтруизму, — фаза, оправдание и необходимость которой может отрицать только тот, кто совершенно не понимает законов органической эволюции и полностью лишен исторического чувства.

Антисемитизм также научил многих образованных евреев возвращению к своему народу. Это имело эффект жестокого испытания, которого слабые не могут выдержать, но из которого сильные выходят более сильными или уверенными в себе. Неверно говорить, что сионизм - это всего лишь "жест агрессивности" или акт отчаяния против антисемитизма. Это правда, что не один образованный еврей был движим только антисемитизмом, чтобы снова связать свою судьбу с еврейством, и он снова отпал бы, если бы его соотечественники-христиане приняли его по-новому в дружеском духе. Но в случае большинства сионистов антисемитизм лишь заставил их задуматься о своем отношении к нациям, и их размышления привели их к выводам, которые надолго останутся достоянием их ума и сердца, даже если антисемитизм полностью исчезнет из мира.

Да будет хорошо известно; сионизм, проанализированный выше, — это сионизм образованных и свободных евреев, еврейской элиты. Необразованная масса, цепляющаяся за старые традиции, становится сионисткой без особого размышления, руководствуясь чувством, инстинктом, страданием и тоской. Они слишком сильно страдают от жизненных невзгод, от ненависти народов, от юридической неполноценности и социального вне закона; они чувствуют, что не могут надеяться на какое-либо долгосрочное улучшение своего положения,

пока вынуждены жить как бессильное меньшинство среди враждебного большинства. Они желают стать нацией, обновиться благодаря тесному контакту с матерью-землей и снова стать хозяевами своей судьбы. Эта сионистская масса все еще частично не совсем свободна от мистических тенденций. Она позволяет своему сионизму быть в определенной степени пропитанным мессианскими воспоминаниями и смешивает их с религиозными эмоциями. У них, безусловно, есть четкое представление о цели - воссоединении еврейской нации, но не о средствах. Тем не менее, даже они уже осознали необходимость собственных усилий, и существует огромная разница между их активной готовностью к организации и духом самопожертвования и благочестивой, потворствующей молитвам пассивностью чисто религиозного мессианиста.

III.

У нового, или политического, сионизма были то тут, то там предшественники, первое появление которых относится к первой половине девятнадцатого века.

В начале восьмидесятых годов в России без всякой видимой причины вспыхнули ужасные преследования, которые стоили жизни сотням евреев, разрушили благосостояние еще тысяч и побудили десятки тысяч отвернуться от страны, на которой они родились. Это бедствие жестоко пробудило евреев от их столетних иллюзий и снова вернуло их к чувству реальности. Русский еврей, доктор Пинскер, в то время написал небольшую брошюру под названием "Автоэмансипация", которая уже была прелюдией к современному политическому сионизму, и обрисовал все его мотивы, однако не развивая их симфонически. Во всяком случае, именно он дал лозунг всему движению: "Евреи - это не просто религиозная община, это нация. Они хотят снова жить в своей стране как единый народ. Их омоложение должно быть одновременно экономическим, физическим, интеллектуальным и моральным".

Аргументы Пинскера оказали глубокое влияние на еврейскую молодежь средних школ и университетов России. Они начали основывать национальные еврейские общества. Ряд студентов, обучавшихся в зарубежных университетах, стали в своем новом окружении апостолами идеи доктора Пинскера и находили приверженцев то здесь, то там, по большей части среди молодых евреев Вены. Другие предпочли действие слову, пример проповеди, бросили учебу и эмигрировали в Палестину, чтобы стать там крестьянами — еврейскими крестьянами на исторически еврейской земле. Глубоко тронутые этим идеализмом особенно восторженной элиты, хладнокровные евреи в России и Германии также начали создавать общества, чтобы поддерживать на расстоянии палестинские поселения еврейских первопроходцев. Это происходило без какого-либо объединенного плана и без четкого представления о цели и средствах. Общества не осознавали того факта, что они чувствовали и действовали как сионисты. Они не понимали связи между еврейской колонизацией Палестины и будущим всей еврейской нации. В их случае это было скорее инстинктивное движение, в котором смутно различимы все виды неясных чувств — благочестие, археолого-историческая сентиментальность, милосердие и гордость за родословную. Во всяком случае, умы евреев были готовы, это чувство витало в воздухе, еврейство созрело для перемен.

Как это всегда бывает в подобные исторические моменты, появился и человек, миссия которого заключалась в том, чтобы ясно выразить идеи, смутно ощущаемые многими, и громко провозгласить слово, которое они ждали услышать. Этим человеком был доктор Теодор Герцль. Осенью 1896 года он опубликовал лаконично написанную брошюру "Der Judenstaat" (Еврейское государство), в которой с беспрецедентной до тех пор решимостью провозглашался тот факт, что евреи - это люди, которые требуют для себя всех прав народа и которые желают поселиться в стране, где они смогут вести свободное и полноценное политическое существование.

"Der Judenstaat" стала реальной отправной точкой политического сионизма — отправной точкой, а не программой. Книга Герцля по-прежнему является субъективной работой мыслителя-одиночки, который говорит от своего имени. Многие детали в ней являются литературными. Нелегко провести четкую границу между трезвой серьезностью социального политика и воображением поэта-пророка. Настоящая программа должна была быть коллективной работой, которая, безусловно, была основана на книге Герцля и вдохновлена видениями Герцля о будущем, но которая была избавлена от всех фантастических деталей и построена исключительно из элементов реальности.

Книга Герцля сразу же была встречена десятками тысяч евреев, в основном молодежью, как акт искупления. Она не должна была оставаться просто напечатанной бумагой, а должна была быть преобразована в практическое творение. Повсюду основывались новые общества, уже не с целью медленного, мелкого заселения Палестины с помощью групп евреев, тайно проникающих в страну, а с целью подготовки к "массовой" эмиграции в Святую Землю на основе официального договора с турецким правительством, гарантированного Великими державами, по которому первые должны были предоставить новым поселенцам право самоуправления.

Предпосылки политического сионизма заключаются в том, что существует еврейская нация. Это как раз то, что отрицают евреи-ассимиляторы и бездушные, елейные, болтающие раввины, которым платят. Доктор Герцль видел, что первой задачей, которую он должен был выполнить, была организация манифестации, которая должна была донести до мира и самого еврейского народа в современной, понятной форме факт его национального существования. Он созвал сионистский конгресс, который, несмотря на самые яростные нападки и самые беспринципные акты насилия, — еврейская община Мюнхена, где первоначально предполагалось провести конгресс, протестовала против его проведения в этом городе, — впервые собрался в Базеле в конце августа 1897 года и состоял из двухсот четырех избранных представителей евреев-сионистов обоих полушарий.

Первый сионистский конгресс торжественно провозгласил перед лицом внимательного мира, что евреи - это нация, и что они не желают быть поглощенными другими нациями. Она поклялась работать во имя освобождения той части еврейской расы, которая лишена всех прав и влачит свое существование в незаслуженной нищете, и подготовить для нее светлое будущее. Она зафиксировала свои цели в программе, единогласно принятой с величайшим энтузиазмом. Она гласила следующее: —

"Сионизм работает над созданием для еврейского народа дома в Палестине, гарантированного публичным правом.

"Для достижения этой цели конгресс предлагает принять следующие средства:—

"(1) Четко регламентированное содействие заселению Палестины еврейскими земледельцами, ремесленниками и фабрикантами.

"(2) Организация и сплочение всей еврейской общины посредством соответствующих местных и общих институтов в соответствии с законодательством различных стран.

"(3) Укрепление еврейского самоуважения и национального самосознания.

"(4.) Подготовительные шаги для получения согласия правительств, которое необходимо для достижения целей сионизма".

IV.

Первый конгресс не разошелся, не создав прочной организации. Он избрал "Большой комитет действий", в котором представлены все страны с несколько значительным еврейским населением, и который, в свою очередь, выбрал меньший "постоянный комитет" со штаб-квартирой в Вене под председательством доктора Герцля. В последующие три года за ним последовали еще три конгресса, в 1898 и 1899 годах, снова в Базеле и в 1900 году в Лондоне. Число делегатов возросло в 1898 году до двухсот восьмидесяти, в 1899 году - до трехсот семидесяти, а в 1900 году - до четырехсот двадцати. На каждом последующем конгрессе правила выборов соблюдались строже, мандаты более тщательно изучались, и в настоящий момент конгресс, который стал постоянным учреждением сионистского еврейства и который собрался в пятый раз в декабре 1901 года, снова в Базеле, может с полным правом претендовать на то, чтобы быть реальным представителем ста восьмидесяти тысяч избирателей.

Тот, кто желает знать, что евреи, представленные на конгрессе, сделали до настоящего времени для реализации программы сионизма, разработанной первым конгрессом, должен только сравнить различные пункты этой программы с фактами, которые мы собираемся зафиксировать.

"(1.) Четко регламентированное содействие заселению Палестины еврейскими земледельцами, ремесленниками и фабрикантами".

Сионизм принципиально отвергает любую колонизацию в малом масштабе и идею "проникновения" в Палестину. Поэтому сионисты посвятили себя преимущественно ревностной и неустанной пропаганде объединения уже существующих еврейских колоний в Палестине с теми, кто до сих пор оказывал им свою помощь и кто в последнее время склоняется к прекращению своей поддержки с их стороны. Сионисты также подготовили почву для основания фабрик в Святой Земле, которые дадут работу тамошним еврейским рабочим, и обеспечили, выделяя ежегодную субсидию, будущее существование образцовой еврейской школы в Яффо, которая собиралась закрыть свои двери из-за нехватки средств. Они заботятся о том, чтобы о существующих и многообещающих началах еврейской колонизации заботились и поддерживали их до тех пор, пока движение не станет возможным в больших масштабах.

"(2.) Организация и сплочение всей еврейской общины посредством соответствующих местных и общих учреждений в соответствии с законодательством различных стран".

Сионистская еврейская община в настоящее время организована в обоих полушариях примерно в девятьсот обществ, которые проявляют большую активность. В вопросе организации, охватывающей все еврейство, сионизм располагает национальными федерациями своих обществ — "большим" и "малым комитетом действия", а также конгрессом, который имеет постоянный секретарский офис в Вене. Стоимость этого устройства покрывается за счет добровольных ежегодных пожертвований сионистов, к которым применяется название старой еврейской монеты, и которые соответственно известны как "шекели", — их сумма составляет в Америке сорок центов, а в западных странах единицу чеканки (одну марку, один франк, один шиллинг и т.д.). Выплата шекеля дает право голоса в конгрессе. У сионизма есть свой официальный орган "Die Welt", издающийся в Вене на немецком языке. Его идеи далее изложены примерно в сорока других периодических изданиях на иврите, немецком, русском, польском, итальянском, английском, французском и румынском языках, а также на еврейско-немецком и иудео-испанском жаргонах. Его американским органом является периодическое издание "Маккавеец". Оно основало множество школ, залов Тойнби и учебных заведений, а недавно начало приобретать долю в управлении еврейскими общинами, чтобы направлять их ресурсы в большем объеме, чем это было до сих пор в случае с антинациональными или бездумными лидерами, на продвижение национального еврейского обучения, образования и культуры.

"(3) Укрепление еврейского самоуважения и национального самосознания".

Сионистские общества прилагают все усилия, чтобы их члены и еврейские массы в целом могли знать историю своей нации и знакомиться со священной и светской литературой на иврите. Они учат евреев высоко держать голову, гордиться своим происхождением и презирать антисемитскую ложь, клевету и оскорбления. Они заботятся, в меру своих сил, об улучшении гигиены еврейского пролетариата, о его экономическом улучшении посредством объединения и солидарности, о хорошо направленном воспитании детей и обучении женщин. Они дают молодым студентам цель для их усилий и идеал в жизни. Они проповедуют долг вести безупречную духовную жизнь, отказ от грубого материализма, в который евреи-ассимиляторы слишком склонны впадать из-за отсутствия достойного идеала, и строгий самоконтроль в словах и делах. Они основали спортивные общества, чтобы способствовать физическому развитию подрастающего поколения, которым долгое время пренебрегали. Они придают новый импульс празднованию еврейских исторических праздников и дней памяти. Во многих случаях они даже бросаются в глаза, нося знаки отличия. Сионист считает унижительным скрывать свою национальность. Он желает, чтобы его признали евреем, и поскольку он всегда ведет себя естественно, непринужденно, не разыгрывает комедию подражания, не желает никого обманывать относительно своего происхождения и личности, ни к кому не вторгается под чужим флагом, его отношения к своим соседям-христианам и соотечественникам более здоровые, правдивые, откровенные и достойные, чем у еврея-ассимилятора, который прилагает болезненные и бесполезные усилия, вызывающие отвращение у каждого христианина, обладающего хоть каплей хорошего вкуса, чтобы скрыть тот факт, что он еврей.

"(4.) Подготовительные шаги для получения согласия правительств, необходимые для достижения целей сионизма".

Несколько правительств, чье мнение в конечном итоге станет решающим в этом вопросе, были посредством мемориалов надежно проинформированы о целях сионизма; и не было недостатка в очень важных поощрениях и многообещающих выражениях сочувствия его тенденциям.

В настоящее время комитет действий пытается получить от Турции хартию на колонизацию таких земель в Палестине, которыми можно распорядиться и которые в настоящее время лежат в запустении, а также на открытие ее заброшенных ресурсов. Использование такого чартера невозможно без значительных денежных сумм. Чтобы быть финансово вооруженным на то время, пока Турция будет подписывать такую хартию, второй сионистский конгресс (1898 г.) решил основать национальный еврейский банковский институт, "Еврейский колониальный фонд", со штаб-квартирой в Лондоне. Это решение было принято в следующем году (1899). Банк был создан. Его капитал в акциях составляет два миллиона фунтов стерлингов. Согласно уставу, он может начать работу после того, как одна восьмая часть этого капитала, двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, будет фактически выплачена. Это уже сделано.

Другим финансовым инструментом сионизма является "Национальный фонд", созданный пятым конгрессом (1901 г.), который собирается путем добровольной подписки и который должен составить двести тысяч фунтов стерлингов. Половина этой суммы должна быть направлена на покупку земель в Палестине, другая половина должна остаться неосязаемой общей собственностью еврейского народа, которая будет постоянно увеличиваться за счет сложных процентов и подарков, так что в важные моменты проценты могут быть использованы для великих национальных целей.

V.

Я приложил все усилия, чтобы показать, насколько это возможно, кратко и объективно, что такое сионизм, что он желает делать, как он возник и как развивался до настоящего времени. Я также неоднократно упоминал, что его самые яростные противники вышли из еврейской общины.

Многие из них довольствуются клеветой и оскорблениями лидеров сионистского движения. Такого рода враждебность те, кого поносят, могут позволить себе презирать. Люди, которые, не ожидая ни малейшей выгоды для себя, из чистой, бескорыстной любви к несчастным своей расы, из почтения к своим предкам, из общего духа филантропии, принесли величайшие жертвы деньгами, временем, силами и здоровьем, чтобы возвысить свой народ и избавить миллионы невинных, преследуемых людей от самых горьких страданий, имеют право с улыбкой пожимать плечами, когда безответственные фанатики или жалкие наемные писаки упрекают их в своекорыстии или тщеславии.

Помимо этих оппонентов низшего типа, есть и другие, которые не просто лгут и клеветают, но и стремятся спорить. Они с удовольствием сравнивают апостолов сионизма с ложными мессиями, такими как печально известный Саббатай Леви, которые слишком часто появлялись в еврейской истории и которые всегда причиняли величайшее зло еврейскому народу, которого они обманули. Сравнить сионизм с причудами или обманом ложных мессий типа Саббатай Леви предполагает большую глупость или большую недобросовестность. Сионизм как раз и характеризуется полным отсутствием какого-либо мистического элемента. Она не обещает

своим приверженцам никаких чудес;напротив, она постоянно внушает им, что их освобождение от ситуации, которую они считают невыносимой, может быть только результатом их собственной работы, плодом их долгих, напряженных и совместных усилий.

Люди объявляют сионизм мечтой и отрицают возможность его практической реализации. На возражения этой категории сионисты сто раз давали достаточный ответ. Эту простую негативную критику можно оставить без внимания. Ее единственное реальное опровержение заключается в делах, таких, которые сионисты уже совершили и которые они намерены совершать в дальнейшем.

Единственный момент, который, вероятно, навсегда исключает возможность взаимопонимания между евреями-сионистами и евреями-несионистами, - это вопрос еврейской национальности. Тот, кто утверждает и верит, что евреи не являются нацией, на самом деле не может быть сионистом; он не может присоединиться к движению, которое оправдано только тогда, когда признается, что оно желает создать нормальные условиясуществования для народа, живущего и страдающего в ненормальных условиях. Тот, кто, напротив, убежден, что евреи - это народ, обязательно должен стать сионистом, поскольку только возвращение в свою страну может спасти повсеместно ненавидимую, преследуемую и угнетенную еврейскую нацию от физического и интеллектуального уничтожения.

Многие евреи, особенно с Запада, в глубине души полностью порвали с иудаизмом, и, вероятно, вскоре они сделают это открыто, и если они не порвут, это сделают их дети или внуки. Они желают быть полностью поглощенными своими соотечественниками-христианами. Их очень раздражает, когда другие евреи заявляют, что они отдельный народ, и желают добиться недвусмысленного разделения между собой и другими нациями. Их великий и постоянный страх состоит в том, что их объявят чужаками на земле, где они родились, свободными гражданами которой они являются. Они опасаются, что это будет более чем когда-либо, если большая часть еврейского народа открыто заявит о своих правах автономной нации, и что еще хуже, если где-нибудь в мире действительно будет создан политический и интеллектуальный центр иудаизма, в котором миллионы евреев будут сгруппированы вместе, объединены как нация.

Все эти чувства со стороны ассимилирующихся евреев понятны. С их точки зрения, они оправданны. Эти евреи, однако, не имеют права ожидать, что сионизм ради них совершит самоубийство. Евреи, которые счастливы и довольствовались землей своего рождения и которые с негодованием отвергают предложение покинуть ее, составляют примерно шестую часть еврейской нации, скажем, два миллиона из двенадцати. Остальные пять шестых, или десять миллионов, чувствуют себя глубоко несчастными в странах, где они проживают, и у них есть для этого все основания. Нельзя призывать эти десять миллионов навсегда безропотно подчиниться своему рабству и отказаться от любых усилий по избавлению от своих страданий только для того, чтобы комфорт двух миллионов счастливых и довольных евреев не был нарушен.

Более того, сионисты твердо убеждены, что опасения ассимилирующихся евреев необоснованны. Воссоединение еврейского народа в Палестине не будет иметь тех последствий, которых они опасаются. Когда снова будет еврейская страна, у евреев будет выбор: эмигрировать туда или остаться в своем нынешнем доме. Многие, несомненно, останутся и своим выбором докажут, что они предпочитают землю своего рождения своим

сородичам и своей национальной почве. Едва ли возможно, что антисемиты все еще будут бросать им в лицо презрительное и вероломное "чужак!". Но настоящие христиане среди своих соотечественников, те, кто мыслит и чувствует в соответствии с учением и примерами Священного Писания, будут убеждены, что они не считают себя чужаками на земле своего рождения, и тогда правильно поймут истинное значение своего добровольного отказа от возвращения в страну евреев и своей верности своим домам и своим соседям-христианам.

Сионисты знают, что они взялись за работу беспрецедентной сложности. Никогда прежде не предпринимались попытки мирно, за короткий промежуток времени пересадить на другую почву несколько миллионов человек из разных стран; никогда не предпринимались попытки превратить миллионы физически дегенерирующих пролетариев, не имеющих ремесла или профессии, в земледельцев и скотоводов, снова привести городских торговцев и ремесленников, агентов и людей оседлых занятий к плугу и матери-земле. Необходимо будет приучить евреев разного происхождения друг к другу, практически приучить их к национальному единству и в то же время преодолеть сверхчеловеческие препятствия в виде языковых различий, неодинаковой цивилизации и образа мыслей, предрассудков, симпатий и антипатий иностранных наций, привезенных по отдельности из стран их рождения.

Что придает сионистам смелости приступить к этому геркулесову труду, так это убежденность в том, что они выполняют необходимую и полезную работу, работу любви и цивилизации, работу справедливости и мудрости. Они желают спасти восемь-десять миллионов своих сородичей от невыносимых страданий. Они желают освободить народы, среди которых они сейчас прозябают, от присутствия, которое считается неприятным. Они хотят лишить антисемитизм, который повсюду унижает общественную мораль и развивает самые худшие инстинкты, его жертвы. Они хотят сделать из евреев, которых в настоящее время упрекают в паразитировании, несомненных производителей. Они хотят удобрять своим потом и возделывать своими руками страну, которая сегодня является пустыней, пока она снова не превратится в цветущий сад, каким когда-то была. Таким образом, сионизм в равной степени послужит несчастным евреям и христианским народам, цивилизации и экономике мира; и услуги, которые он может оказать и желает оказать, достаточно велики, чтобы оправдать его надежду на то, что христианский мир тоже оценит их и поддержит движение своим активным сочувствием.

АНТИСЕМИТИЗМ В ЕВРОПЕ

АВТОР доктор Густав Готтейль

ИСТИННАЯ ПРИРОДА АНТИСЕМИТИЗМА В ЕВРОПЕ

Антисемитизм был бы просто смешон, если бы он не был таким ужасающим по своей серьезности. Люди, обращающие это слово боевым кличем к целой расе, должны знать его значение, особенно если оно должно выразить главную причину их враждебности. Прежде чем добавлять к слову приставку "против", они должны быть уверены, что понимают "за", иначе окажется, что они сражаются всего лишь с тенями, призраками, созданными ими самими. Но насколько это верно? Многие ли когда-либо пытались понять смысл обозначения, под которым они себя записали? Предположим, мы спросим: "Что означает семитизм?" Нашим ответом должно быть только это — что это обобщение господствующих склонностей, привычек, умственных способностей и моральных особенностей всех рас, объединенных под названием семитов, названных так из-за их предполагаемого происхождения от старшего из трех сыновей Ноя. Предполагается, что эти черты настолько неискоренимы, что независимо от того, где расы жили или живут сейчас, независимо от того, через какую стадию цивилизации они прошли или достигли сейчас, независимо от того, какое влияние на них оказали несемитские расы, они остаются по сути теми же самими. Что это за черты? Кто сформулирует точный стандарт, по которому потомок Сима безошибочно известен и отличается от потомков Хама или Иафета? Если учесть, что значение слова "семит" отсылает нас к допотопным временам, то есть к одному из древнейших мифов мира, мы должны признать, что действительно было бы чудом из чудес, если бы большая часть человечества имела семейное сходство настолько явное, что выделялась бы среди остальных. И это несмотря на долгие века, прошедшие с момента предполагаемого разделения сынов Ноя и их широкого рассеяния; несмотря на их триумфы и

поражения в войнах, в государственном строительстве и образовании церквей; несмотря на большое разнообразие между ними в их литературе, философии, искусстве, ремеслах и промышленности. Характеризуются ли семиты по-прежнему теми же способностями и склонностями ума и сердца, управляются ли теми же страстями, подвержены ли тем же ограничениям, какими были их предки во всех своих поколениях?

Среди них есть часть, и эта часть снова рассеяна на обширных территориях, в различных состояниях цивилизации и при самых разных типах правительств, пользующихся свободой и правами гражданства в одном и стонущих под безжалостным гнетом в другом, — являются ли они по-прежнему не кем иным, как семитами? Неужели они настолько пропитаны семитскими чертами, что никогда не смогут слиться со своим окружением и стать полноправными гражданами государства, где они разбивают свои палатки, - предлагайте им любые стимулы, какие только можете, — но их следует держать нарасстоянии вытянутой руки и обращаться с ними как с подозреваемыми? Неужели природа утратила в этом случае всю свою силу и стала неверна самой себе? Разве еврейский ребенок не полюбит землю, на которой родился, и не почувствует родства с народом, чей язык и образ жизни станут для него родными? Но зачем нагромождать невероятности? Обозначение, закрепившееся за нами как клеймо, с самого начала было обманом, сознательным обманом и злонамеренной выдумкой. Он был "зачат в нечестии и рожден в беззаконии". Имелся в виду не антисемитизм, а *антииудаизм*; но этого названия следовало избегать, потому что оно подразумевает враждебность к религии и вероучению; и это, опять же, могло быть истолковано как проистекающее из пробужденного рвения к собственной Церкви подстрекателя; подозрение, которого они не могли допустить, пало на них. Нет, не религия еврея делает его несносным и опасным для государства, а его происхождение от старшего сына Ноя. Правда, евреи никогда не принимали его в качестве национального названия. "Семитский" - это сравнительно недавнее абстрактное слово, предназначенное исключительно для научной классификации, никогда не предназначавшееся для дискриминации какой-либо части семитских рас или для того, чтобы стать шипением, притчей во языцех или маской для нарушителей прав человека и разрушителей человеческого счастья.

Жертвы этого крестового похода - это не безымянная орда, для которой нужно было придумывать название; они известны истории на протяжении трех тысяч лет как евреи, израэлиты, еврей, и у них нет ни малейшего желания менять эти имена на какие-либо другие. Но требовался новый "Хеп-хеп", и поэтому "Семиты" были изъяты из мира книг, изуродованы и прикреплены к еврейскому габардину в благородном подражании средневековому варварству. Чем более бессмысленным, тем более желанным было пугать население и разжигать искры фанатизма, которые всегда тлеют в сердцах простолюдинов, как низших, так и высших, мирских или призрачных.

Однако самое странное в этой ученой фальсификации то, что она должна была так хорошо преуспеть у людей, называющих себя христианами и цепляющихся за это название часто после того, как они отказались от всего его исторического значения. Разве христианство не является чисто семитским по своей сути? Разве оно не основано на семитской концепции отношений между человеком и его Создателем? Огромные усилия по либерализации и рационализации Церкви, свидетелями которых было последнее столетие, вплоть до недавней попытки профессора Харнака подвести итог "Сущностям христианским", — что все это, как не попытки освободить ее от иностранных наслоений и оболочек и подчеркнуть ее семитский характер?

Это единственная азиатская концепция религии, которая покорила Европу и Америку и которая до сих пор имеет неоспоримое влияние над всеми ее разнообразными национальностями. Само название, которое символизирует для них все самое благородное, чистое и благословенное, указывает на этот источник так же безошибочно, как стрелка компаса на полюса. Харнак утверждает, что христианство - это не одна религия среди других, а *Религия*, единственная, отвечающая всем условиям своего высшего идеала. Существо, в котором открылась эта полнота света, — разве оно не было семитом из семитов? Отрицал ли он когда-нибудь свое происхождение? Христианство означает *мессианство*, и вся идея Машиаха, — помазанника, а именно, помазанного правителя, — является наиболее глубоко национальной и, следовательно, глубоко семитской, — из чего неоспоримым фактом следует, что самая возвышенная концепция религии пришла в мир из этого источника. Оттуда появилась Библия — книга мира, которая была переведена на все существующие языки и диалекты и разъяснению которой множество ученых до сих пор посвящают свои жизни. Живопись, скульптура, музыка, поэзия пытались достичь своих высочайших высот под его вдохновением. С бесчисленных кафедр неделю за неделей излагаются его моральные и религиозные истины, и по каждому великому случаю национального значения, — в какой бы части христианского мира это ни происходило, — звучат Песни Сиона как наиболее подходящее выражение преобладающих настроений. Псалтирь — самая замечательная из существующих книг, она есть как дома, во дворце короля, так и в крестьянской хижине, неисчерпаемая тема наших мастеров музыки. Ноэльдеке, протестантский профессор Страсбургского университета, один из величайших светочей семитской науки, заявляет, что "рядом с Псалмами все другие религиозные гимны выглядят просто бледными имитациями". На том поле были собраны снопы, которые умелая рука сплела в Единую Вселенскую Молитву, в которой единодушно участвуют все Церкви. А Всеобщий день Отдыха, это единственное верное благословение трудящегося человека, — откуда он взялся? У какого другого законодателя хватило божественной смелости сделать его соблюдение одним из основополагающих законов своей конституции и отдать ему приоритет даже над всеми моральными установлениями?

Профессор Р.Ф. Грау из консервативной школы теологии пишет:—

"Бог - это живое, святое, любящее Существо. Его в первую очередь следует постигать не с научной точки зрения, а с поклонением в сердце, и поскольку Он является таким Существом, семиты должны были быть избраны Его апостолами для всего мира. Потому что с самого начала у Них было к Нему сердце.... У семитов религия Бесконечного, и поскольку это совершенная религия, ... Церковь, как Община Христа, произошла от семитского горчичного зерна, хотя в настоящее время мириады индогерманцев обитают под ветвями этого дерева".

Перед лицом подобных признаний людей, имеющих право быть услышанными в этом вопросе, и учитывая, что дерево никогда не может изменить природу корня, из которого оно выросло, не является необоснованным вывод о том, что "антисемит" является синонимом "антихристианина".

Его успех обусловлен все еще сохраняющимся предубеждением против евреев среди стольких христиан, несмотря на все их заявления об обратном. И это продолжается по нескольким причинам. Одна из них - это его продолжительность; оно длилось целую вечность и укоренилось в их чувствах и идеях. Что, если будет со всей очевидностью показано, что это несправедливо, неразумно, да, даже нехристиански! — это существенно не изменит настроения огромных масс

людей. Обычный человек редко поддается влиянию аргументов; сила принципа, столь весомого для мыслителей, не имеет для него никакого значения. Он принадлежит материальному миру, и занять достойное место в нем - цель, на достижение которой направлена вся его энергия. На духовные вещи у него нет ни времени, ни способностей. Им управляют чувства, которые были привиты ему в юности и его непосредственным окружением. Все размышления должны быть сделаны за него; все новые идеи должны быть представлены ему, так сказать, в готовом виде и в осязаемой форме. Он не толкает себя вперед, но должен быть ведомым руками, которые понимают его и его пути. Но в данном случае его наставники не особенно стремятся вызвать перемены к лучшему, даже если мы предположим, что они считают освобождение от предубеждения против евреев улучшением. У них есть свои богословские трудности, с которыми приходится бороться. Евреи все еще не обращены, и миссии, созданные и поддерживаемые с целью привлечь их на свою сторону, могут показать сейчас не лучшие результаты, чем в прошлом. Главный спор между Церковью и Израилем сегодня стоит там же, где и тогда, когда он впервые возник в Иерусалиме восемнадцать веков назад. Судебный приговор суда в Иерусалиме превратился в поворотный момент, от которого, как заявляет Церковь, зависит спасение человечества на время и навечно; и если она права, то евреи, должно быть, ошибаются. После этого рокового события христианство, в той или иной форме, завоевало Европу и Америку и установило аванпосты почти в каждой части земли, но не смогло подчинить евреев. Были испробованы все мыслимые средства, чтобы заставить его сдаться, включая тюремщика и палача и все ужасы, которые лежат между ними, — изгнание, грабеж, социальная деградация, посадка на кол в гетто и тому подобное, — но тщетно. Та же политика продолжается и по сей день, насколько позволяет нынешнее более цивилизованное состояние христиан, но все равно напрасно. Их преследователи настолько далеки от того, чтобы поставить евреев на колени, что самосознание расы в целом углубилось; и их прогресс в общей культуре позволяет им интеллектуально померяться силами со своими обвинителями и обосновать веру, которая в них есть.

Все условия этого нескончаемого конфликта направлены против них. По численности они составляют исчезающее меньшинство и еще более ослаблены своим рассеянием по лицу земли, неорганизованные, без какой-либо церковной власти в своей Церкви, которая могла бы направлять их или действовать от их имени. Каждый еврей должен в одиночку противостоять враждебности мира и быть религиозно своим собственным священником, своим собственным папой. Союзников у него нет, сторонники его дела немногочисленны. Благосклонность его друзей часто более унижительна, чем нападки его врагов. Тем не менее он стоит на своем, и если в течение последнего столетия или около того он проводил реформу своих древних ритуалов, то делал это по собственной инициативе и по-своему, а это не то, к чему его так долго пытались принудить или заманить. В то же время произошло возрождение еврейской литературы, которое не только пролило свет на давно забытые сокровища прошлого, но и показало, какую большую роль евреи играют в общем прогрессе человечества. У торжествующей еkkлeсии нет никаких побед на этом участке ее полей сражений, и не в натуре обычного человека откровенно признавать поражение в такой неравной борьбе. Только кто-то имел право ожидать, что Церковь, утверждающая, что возродила человеческую расу и возвысила раба его слепых инстинктов до "славной свободы детей Божьих", поднялась бы над обычной слабостью. Вместо этого почти по всему христианскому миру проповедуется крестовый поход против евреев и громко требуется политика репрессий.

На каком основании? Говорят, что они доминируют повсюду — в финансах, в судах, в политике, в искусстве, в литературе, в прессе, в торговле и производстве. Но как они достигают этого поразительного подвига? Как евреям удастся так господствовать над подавляющим большинством? С помощью колдовства? Неужели по волшебству несколько банкиров и брокеров держат в подчинении всех своих конкурентов и управляют ими по своему усмотрению и с собственной выгодой? Неужели с помощью колдовства они прокладывают себе путь в университеты и академии? Владеют ли они секретными формулами, с помощью которых они могут направлять торговые потоки по своему желанию? Недавно в парламентах нескольких немецких земель прозвучали громкие жалобы на то, что в их землях слишком много судей и адвокатов-евреев, и к правительствам обратились с призывом положить конец скандалу. Против евреев, которые "вершат закон", не было выдвинуто никаких обвинений в некомпетентности или эксплуатации. Только было объявлено, что христианин уклонился от принятия присяги от руки еврейского юриста. Если это так, то как получается, что люди обращаются к ним в таком количестве, которое вызывает зависть их коллег-неевреев? Все заявления о предполагаемой власти евреев являются нелепыми преувеличениями, сфабрикованными для того, чтобы напугать воображение легкомысленных, что было доказано снова и снова. Но даже уменьшенные до их истинной величины, они доказывают не обладание магией, а здравомыслие, неиссякаемую энергию и все другие необходимые условия для успеха, которые евреи сохранили в неприкосновенности, несмотря на все предпринятые попытки стереть неверующих в порошок. Протест против них - это их оправдание; люди не боятся слабаков, не поднимают тревогу перед опасностями, которые можно отодвинуть в сторону усилием воли. Немногие должны обладать врожденными источниками силы, если многие прибегают к оружию трусов - лжи и клевете. И в данном случае признание истины является подразумеваемым преклонением перед религией, которую исповедуют и защищают победители в неравной борьбе. Ибо бесспорно, что это тот источник, которому следует приписать формирование еврейского ума и сердца. Позвольте мне привести в качестве одного из доказательств признание самого упорного и могущественного притеснителя евреев, прокурора Российского синода. Половина всех евреев являются подданными России. Они перешли под ее власть, когда она завоевала и включила в состав Польши провинции; они содержатся там по самым строгим законам, и жизнь для них сделана настолько обременительной, насколько это возможно. "Оседлость" - это гигантское гетто, где по сей день преобладает старейшая форма раввинизма. И все же тот же страх перед превосходством еврейского разума преследует правительство; это предполагаемая причина практически закрытия для них всех путей получения высшего образования. Только *три процента* от общего числа студентов принимаются в университеты и технические школы. Но более ста тысяч простых солдат набираются из евреев в армию и отправляются во все части гигантской империи, оставаясь там лучшую часть своей жизни, без какой-либо перспективы продвижения по службе, и часто отправляясь только для того, чтобы умереть, защищая территории, на которые, будь они гражданскими лицами, им не разрешили бы въезжать. Русский Торквемада не так давно открыто заявил, что ни одному еврею не должно быть позволено поселиться среди крестьян, даже в Черте оседлости, потому что он был бы единственным трезвенником среди населения, которое не может устоять перед соблазнами крепких напитков. Действительно, странное зрелище! Люди, изгнанные из мест, где они хотели бы жить, потому что они слишком хороши для своего окружения! вынуждены оставаться там, где они едва ли могут влачить жалкое существование. Вопрос, безусловно, оправдан. Как этой бедной массе угнетенных людей удалось сохранить свою свободу от национального порока в стране, где их предки жили

на протяжении долгих поколений? Можно ли сохранить великую добродетель с помощью колдовства? Обычный опыт — это опыт поэта -

"Несчастье утихомиривает самый храбрый ум".

Что, как не их религия, сделало их защищенными от стрел судьбы, которая по продолжительности и жестокости не имеет аналогов в истории! Этот вывод дополнительно подтверждается тем фактом, что одна и та же добродетель трезвости характеризует их повсюду и делает предметом зависти их соседей-неевреев, — более того, заставляет честного защитника трезвости выставлять их перед своей христианской аудиторией в качестве примера, чтобы пристыдить их и заставить пойти и поступить так же; скорее, позвольте мне сказать, остаться дома и поступить так же. Ибо одна из колдовских тайн иудаизма заключается в том, что его дом находится не в церкви, а в том, что церковь находится в доме. Спасение еврея ни в коей мере не зависит от раввина и синагоги, но от жены и детей. Они - его собрание, которому он служит как священник во исполнение великого слова устава посвящения: "Вы будете для меня царством священников и святым народом". Самые глубокие корни еврейской веры покоятся и питаются в домашней почве. Синагоге нечего предложить верующему, чего он не может найти в своей собственной палатке. Десять человек, собравшихся вместе с Сефер Торой (свитком закона Моисеева) посреди них, образуют Кахал Хакодеш (священное тело). Ни один мужчина не становится пьяницей, когда рядом с ним жена, дети и престарелые родители в качестве ангелов-хранителей. Величайшая трудность, с которой приходится сталкиваться еврейской реформации, заключается в том, чем заменить старые обряды там, где они стали непрактичными, и таким образом сохранить по существу домашний характер древней веры. Мыслимо ли, чтобы еврей был менее неприятен своему окружению, если бы он утратил свой стойкий ужас перед невоздержанностью и, таким образом, более свободно "ассимилировался" со своими соседями другого вероисповедания? Это немыслимо, когда мы рассматриваем огромные усилия, прилагаемые христианами повсюду, чтобы избавить свой народ от зависимости от крепких напитков и страданий, возникающих в результате этого. Еврей - *естественный союзник защитников трезвости*; и если его нет в их рядах, то это просто потому, что он никогда по опыту не знал о необходимости такой реформации.

И он никогда не узнает, пока в нем живет его страстная любовь к дому и тоска по семейной любви. В настоящее время это, вообще говоря, все еще имеет место; беднейшие и наименее культурные классы не являются исключением; более того, именно в этом классе это одна из наиболее примечательных черт. Если неотесанный иммигрант из Восточной Европы опускается до низших видов торговли вразнос или за сущие гроши растрчивает свою жизнь в душной потогонной мастерской; если он не очень щепетилен в отношениях со своими временными покровителями и не считает городские постановления такими же незыблемыми, как "Шулхан Арух" (кодекс церемоний), центральным мотивом является его постоянная мысль о своей семье; даже когда он еще не наскреб достаточно грошей, чтобы оплатить проезд до нового дома, они постоянно находятся в опасности. с ним в его мыслях. Это не предлагается в качестве оправдания за превышение полномочий и не может быть разрешено магистратом в качестве оправдания за нарушение закона; но это предлагается непредвзятому читателю в соответствии с золотым правилом Спинозы: человеческие ошибки не следует высмеивать и осуждать, *но понимать. Si duo faciunt idem, non est idem.* Это мудрое предостережение тем более необходимо учитывать в данном случае, поскольку из того же источника происходит еще одна

прекрасная черта еврейства - преданность семейной жизни; опускайтесь по шкале как можно ниже, это трудолюбивый класс людей, часто превращающий свои тесные жилища в мастерские, где старые и молодые занимаются рукоделием с раннего утра до позднего вечера. Сотни мужчин и женщин, прибывающих в эту страну после того, как они достигли среднего возраста, осваивают ремесла и работают над ними до тех пор, пока их дрожащие руки не перестают держать инструменты или свет не меркнет в их перенапряженных глазах. Среди них немало тех, кто видел лучшие дни в своих родных местах или глубоко разбирается в Юриспруденции. Они быстро овладевают секретом успешной торговли высокооплачиваемыми изделиями и нередко лучше обучаются; навык, за который их ненавидит и презирает их собственная аристократия на рынках, и клеймят как портивших все хорошее, как только оно появляется. Если эта склонность и стремление к торговле являются недостатком, то христиане должны винить в этом самих себя. Даже поверхностный взгляд на историю Израиля доказывает, что до тех пор, пока люди жили на своей родной земле и могли жить своей собственной жизнью, они не проявляли ни умения, ни желания заниматься коммерцией; что их законодательство, их религия, их поэзия и пророчества, а также их этические идеи предполагают нацию пастухов и землепашцев. За великую перемену в правлении евреев с момента их рассеяния ответственны только те, кто сейчас упрекает их в этом. Первыми христианами были иудейские пахари и пастухи; апостолы были в основном иудейскими крестьянами и рыбаками. Лучшие притчи и сравнения в речах Иисуса взяты из занятий и опыта крестьян. И даже по сей день тысячи представителей рассеянной расы готовы снова взяться за плуг и лопату, если им дадут шанс, и немало таких, кто сделал это даже в самых удручающих условиях. Дело в том, что языческий Меркурий оказался более милосердным богом к евреям, чем христианский Иисус, как его учила и практиковала средневековая церковь. Он злорадствовал над страданиями тех, кто был его собственной плотью и кровью. Неудивительно, что они искали убежища под крыльями языческого божества и стали адептами искусства, которое он символизировал.

Но предположим, что это правда, что все евреи обожают дорожное движение как свое самое любимое занятие, — что из этого? За британцами закрепилось прозвище "нация лавочников", и все же они были и остаются величайшими благодетелями человечества, неся блага цивилизации половине народов земного шара. Торговля сделала для мира во всем мире больше, чем все проповеди, молитвы и пророчества, вместе взятые. Большая железная дорога, пароходная линия, кабель или телефонный провод, торговый договор, тарифная конвенция — вот современные узы, которые объединяют самые отдаленные уголки земли и заставляют их одинаково ненавидеть войну и ее опустошительные действия. Сокращение экспорта, снижение стоимости инвестиций, непредвиденный конкурент на мировых рынках вызывают у правителей самых цивилизованных стран больше беспокойства, чем любая неблагоприятная политическая комбинация. Ибо первые угрожают миру и благополучию домашней жизни людей, на довольство которых они полагаются при отстаивании своих притязаний во всех своих политических хитросплетениях. Класс людей, которым приписывают овладение искусством покупки и продажи, должен, следовательно, быть желанным гостем в каждой стране, и им должна быть предоставлена широчайшая свобода и поощрение для применения своего мастерства, при условии, конечно, что они не уносят свои накопленные прибыли за пределы страны и не обогащают ими другие нации. Но что думают об этом евреи? Их собственная страна, если Палестину все еще можно так назвать, является одной из беднейших в мире, и то небольшое оживление, которое там было заметно в последнее время, связано с колониями,

основанными там еврейскими крестьянами, которые в самых тяжелых условиях трудятся над восстановлением былого плодородия почвы после долгого сна, в который она погрузилась. Еврейским богатством могут пользоваться и пользуются только неевреи. Религиозные учителя обвиняют его владельцев в том, что они слишком охотно подражают роскоши и экстравагантности своих соседей. Для ног их отпрысков расставлены те же сети, что и для отпрысков язычников по рождению; искусители, подстерегающие их, достаточно либеральны, чтобы игнорировать различия между различными вероучениями. Я не буду опускаться до какой-либо защиты моей расы от вульгарного обвинения в том, что они мошенники; что каждый и все всегда будут пытаться, правильно или нет, получить лучшее из любой сделки, в которую бедный язычник может вступить с ними. Те, кого коммерческое положение евреев здесь и в других местах еще не излечило от этого клеветнического предубеждения, не будут обращены моими мольбами. Зависть - неизлечимая болезнь; ревность ослепляет, и, несомненно, верно распространенное высказывание, что никто так не слеп, как те, кто не хочет видеть. Но у меня также нет ни малейшего желания скрывать или приукрашивать наши реальные недостатки. Те, кто не может полагаться на свои собственные реальные достоинства и принимать на себя вину за свои неоспоримые недостатки, не должны осмеливаться оспаривать суждения мира. Еврей действительно осмеливается на это, и все, чего он требует от своих критиков, - это честности, беспристрастности, правосудия. То, что я сказал в его похвалу и в его защиту, было предназначено исключительно для того, чтобы помочь непредубежденному читателю составить справедливое мнение о волнениях, которые в Европе озлобляют, калечат и омрачают тысячи жизней, которые при лучшем обращении были бы потрачены в довольстве и общей пользе.

Только с этой целью я кратко добавлю еще две черты евреев, не менее ценные и неоспоримые. Одним из них является их благотворительность; они заботятся о своих бедных, своих больных, своих престарелых, если они обездолены, как доказывают многочисленные учреждения, найденные в каждом месте, где они проживают, в достаточном количестве, чтобы содержать их. Они неохотно берут на себя тяжелое бремя, которое налагает на них эта "исключительность". Вините их за это, кто может; здравомыслящие люди не станут, особенно когда будут уверены, что это чувство жалости не является привилегией только состоятельных людей среди них. У рабочего класса всегда есть что потратить из своих скудных заработков на "З'дака", религиозный термин, широко используемый для обозначения благотворительности, который, что достаточно примечательно, на библейском иврите означает "справедливость". Идея о том, что благотворительность является неотъемлемой частью богослужения, была привита им давней традицией и продолжает рассматриваться как таковая везде, где раввинский иудаизм сохранился в полной силе. С детства каждый еврей знает изречение Симона Справедливого, одного из последних прихожан Великой синагоги:

"Весь мир держится на этих трех китах;

Закон, богослужение и благотворительность".

Другая черта - это их рвение в воспитании своих детей.

Одним из стандартных возражений в адрес евреев является их "развязность"; в социальном плане это неприятный и раздражающий недостаток, но в остальном это дар немалой ценности. Прямота - это душа всякого прогресса. Называйте это так, называйте это самопомощью, называйте это энергией, называйте это уверенностью в себе, называйте это популярным

названием широкой пробужденности, и вы преобразуете недостаток в достоинство. То, как еврей смог сохранить это в любой из его форм, является одним из многих чудес его истории, поскольку мир не оставил неиспробованным ничего, что могло бы отбросить евреев назад, к последней глубине самоотчаяния. Демонстрацию его дерзости можно было увидеть у дверей государственных школ в нижних районах города, особенно во время приема новых учеников. Было бы видно, как самые бедные еврейские отцы и матери спорят о регистрации своих малышей, как если бы это было для них хлебом насущным. И не может ли это также служить доказательством того, что родители готовы отдать своих отпрысков под влияние этих школ и увидеть их полностью американизированными?

По этим признакам вы узнаете евреев, где бы вы их ни встретили; следовательно, их можно назвать расовыми. Во всех других отношениях они не лучше и не хуже других людей, находящихся на соответствующих этапах жизни. Среди них можно встретить все разнообразие характеров; среди них распределены добродетели и пороки. Пусть американцы не клеймят их как "нежелательных иммигрантов" и не закрывают перед ними свои гостеприимные ворота. Они приносят с собой качества, которые являются достаточной компенсацией за их недостатки, и их состоятельные собратья не отстают в заботах о том, чтобы они не стали общественным бременем. Американский народ неоднократно указывал на дверь тем, кто приезжал сюда с целью проповеди антисемитизма, тем самым публично свидетельствуя, что они не потерпят подобного позору нашего века. С тем, что есть от этого всоциальной жизни, не стоит спорить. Она исчезнет и должна исчезнуть в стране, гражданский порядок в которой основан на принципе равных прав для всех законопослушных граждан, к какой бы расе или религии они ни принадлежали. "Честное поле и никаких поблажек". В этой старой доброй поговорке заключены все наши требования.
